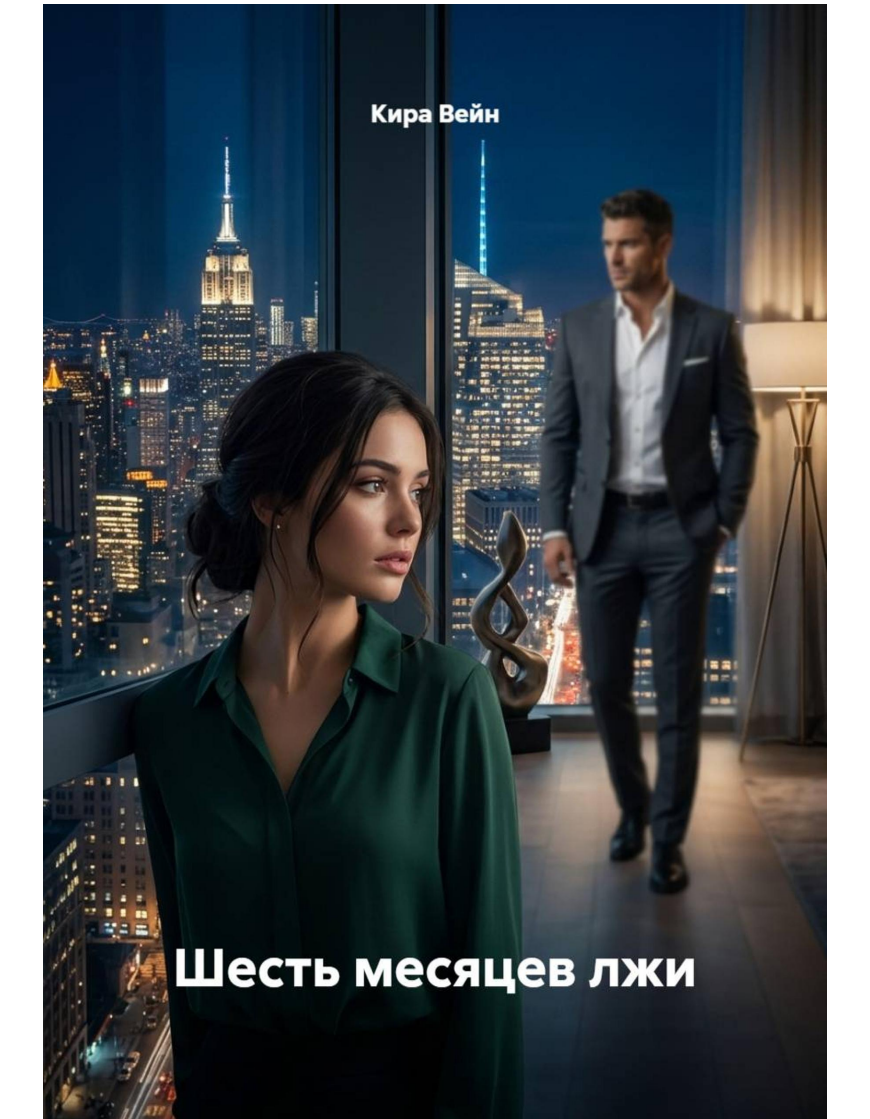

Кира Вейн

Шесть месяцев лжи

Кира Вейн

Шесть месяцев лжи

<https://litres.ru/74688053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двести шесть дней. Четыре жестких условия. И одна сделка, которую невозможно закрепить на бумаге.

У дизайнера Елены Вэнс есть всего 72 часа, чтобы спасти дело покойной матери от краха. Выход один — принять шокирующее предложение Райана Кросса, безжалостного главы корпорации Cross Global. Ему нужна фиктивная жена на шесть месяцев ради миллиардного слияния.

Правила игры прозрачны: отдельные спальни, табу на чувства и никакого физического контакта. Но пока весь мир следит за безупречным фасадом их «любви», за кулисами начинается война. Кто-то сливает контракт прессе, а в документах обнаруживаются скрытые ловушки.

Смогут ли два упрямых архитектора, привыкших строить стены вокруг своих шрамов, удержать контроль, когда игра станет слишком реальной?

Остросюжетный любовный роман. Сложные отношения, корпоративные тайны и эмоциональный хэппи-энд.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Цена одного «да»	7
Глава 2. Правила чужой игры	20
Глава 3. Свадьба без любви	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кира Вейн

Шесть месяцев лжи

Шесть месяцев лжи

(Современный любовный роман)

Автор: Кира Вейн

«Иногда самая дорогая сделка в жизни — та, которую невозможно заключить на бумаге».

Оглавление

Глава 1. Цена одного «да»

Глава 2. Правила чужой игры

Глава 3. Свадьба без любви

Глава 4. Между строк контракта

Глава 5. Поцелуй, которого не было...

Глава 6. Когда ложь становится правдой

Глава 7. Цена настоящей любви

Глава 8. После последней подписи

ПРОЛОГ

Из кирпичей и правил

Городской шум Манхэттена редко оставляет место для тишины, но в офисах Cross Global на сорок восьмом этаже она была особой. Просчитанной. Проверенной аудиторами.

Люди, привыкшие управлять миллиардами, твердо верили, что любую вещь, эмоцию или человеческую преданность можно перевести в сухие строки договора. Нужно лишь правильно составить пункты, выверить кернинг, указать точные сроки и поставить неровный росчерк чернилами в самом низу страницы. Двести шесть дней. Четыре жестких условия. Две спасенные жизни, упакованные в безупречный изящный капкан.

Они считали себя гениальными архитекторами, способными возвести идеальные стены вокруг собственных шрамов. Один строился из ледяного контроля и старых предательств, другая — из гордости, льняного масла и памяти о матери.

Они были абсолютно уверены, что бумага удержит всё.

Они просто забыли, что ни один, даже самый лучший в мире юридический контракт, не умеет прописывать то, что происходит между людьми, когда гаснут вспышки камер и они остаются вдвоем против целого мира.

Глава 1. Цена одного «да»

Письмо из банка пришло в 8:47 утра. Елена Вэнс прочитала его прямо на Пятой авеню, с кофе в одной руке и телефоном в другой. Вокруг спешили люди, обходя её так же привычно, как обходят лужи после дождя.

«С сожалением уведомляем, что ваше заявление о продлении кредитной линии отклонено».

Она перечитала сообщение. Потом ещё раз, надеясь, что при третьей попытке смысл изменится. Но слово «отклонено» осталось на месте.

Три года Елена жила в режиме, который называла временными трудностями. Это означало оплачивать счета поставщиков тканей из собственных сбережений. Продавать маминны коллекционные каталоги Cassina, по одному, убеждая себя, что та бы поняла. Приходить в студию на Бликер-стрит, смотреть на эскизы Кэтрин Вэнс, выцветшие от времени, с кофейными пятнами на уголках, и повторять про себя: ещё немного. Ещё чуть-чуть.

Телефон завибрировал снова. Номер она знала наизусть. Харрисон, кредитор, который разговаривал так, словно одновременно улыбался и подсчитывал чужие убытки.

— Мисс Вэнс, полагаю, вы уже получили решение банка. Я хотел бы объяснить вам ситуацию лично. По-человечески.

— Говорите, — перебила Елена.

— Условия займа больше не позволяют мне ждать. Если до конца недели задолженность не будет погашена, нам придётся начать процедуру взыскания.

— Мистер Харрисон, студия приносит прибыль. Контракт с Cross Global покрывает половину долга.

— После завершения проекта. Через четыре месяца. — Он выдержал паузу, прежде чем добавить: — Столько времени у нас нет.

Вежливость в его голосе была почти безупречной. От этого слова звучали ещё неприятнее.

Елена ответила, что перезвонит, и отключилась. Лишь тогда заметила, что кофе давно остыл, а пальцы так сильно сжали стакан, что картон смялся.

Нельзя. Не сегодня.

Сегодня презентация.

Она убрала телефон в карман пальто и расправила плечи, вспоминая материнский совет: «Дизайнер входит в комнату раньше своих идей, Лена».

Затем направилась к стеклянной башне, где на фасаде серебрились две буквы и название Cross Global.

Внутри пахло полированным мрамором и дорогой тишиной. Лифт поднял Елену на тридцать четвёртый этаж так плавно, что она едва почувствовала движение. За стеклянной стеной переговорной собрались шестеро мужчин в тёмных костюмах. Во главе стола сидел Райан Кросс.

Он даже не поднял головы, когда она вошла.

На планшете сменяли друг друга её макеты. Райан просматривал их без единого комментария, и это молчание говорило достаточно. В тридцать четыре года он стал самым молодым председателем в истории компании. Журналисты называли его хирургом корпоративных слияний: он умел отсекал всё лишнее, не задумываясь о том, что при этом можно задеть. Тёмные волосы, чёткая линия челюсти, серые глаза, в которых, казалось, не задерживалось ничего, кроме цифр. Костюм сидел безупречно, словно был частью его самого.

— Мисс Вэнс, — произнёс он наконец, не отрываясь от экрана. — Объясните мне это.

Он повернул планшет к ней.

На экране был главный элемент проекта: просторный атриум с живыми зелёными стенами, тёплым деревом и мягким рассеянным светом. Место, где сотрудникам не хотелось бы сразу смотреть на часы и возвращаться к своим столам.

— Концепция общественного пространства для сотрудников, — спокойно ответила Елена. — Мы обсуждали её три месяца.

— Мы обсуждали лобби. А это, — он коснулся экрана, — оранжерея.

— Это дыхание.

Один из советников тихо кашлянул.

Райан наконец посмотрел на неё. Его внимание ощущалось почти физически, словно в комнате внезапно измени-

лось давление.

— Завтра сюда приедет Ларссон с представителями фонда. Им нужна наглядная демонстрация эффективности. Хром, стекло, чёткая геометрия. Деньги любят порядок.

— Деньги любят, когда их ценят, мистер Кросс. А люди, которые будут работать в этом здании, проведут здесь больше времени, чем дома.

— Люди работают там, где им указывают. — Он откинулся на спинку кресла. — Переделайте проект. К утру.

В комнате воцарилась тишина.

Елена знала, как обычно развиваются подобные разговоры. Подрядчик соглашается, собирает бумаги и уходит искать уединённое место, чтобы дать волю чувствам. Так поступали все. Возможно, ещё вчера она сама сказала бы «конечно» и всю ночь пыталась бы спасти хотя бы часть первоначального замысла.

Но этим утром банк отказал ей в продлении кредитной линии. А человек напротив только что дал понять, что готов перечеркнуть работу, которой её мать посвятила двадцать лет.

— Нет, — произнесла Елена.

Райан чуть приподнял бровь.

— Что, простите?

— Я не переделаю проект за одну ночь. И дело не в том, что я не справлюсь. — Собственный голос удивил её твёрдостью, но отступать она не собиралась. — Я могу сделать

именно то, чего вы хотите. Вы получите уродливое здание, а через год начнёте разбираться, почему лучшие сотрудники уходят. Хотя, возможно, вас это не волнует. Вы ведь привыкли считать людей расходным материалом: пока приносят пользу, оставляем. Когда перестают — списываем. Я ошибаюсь?

Никто за столом не шевельнулся.

Елена ожидала гнева. Приказа охране. Немедленного расторжения контракта. Вместо этого уголок рта Райана едва заметно дрогнул. Это не было улыбкой, скорее намёком на неё. Он посмотрел на Елену иначе — внимательнее, будто за привычной картиной вдруг обнаружилась деталь, которую он прежде не замечал.

— Все свободны, — негромко сказал он.

— Мистер Кросс, — начал один из советников.

— Все.

Они покинули переговорную, стараясь не смотреть ни на Райана, ни на Елену. Шелест дорогой ткани затих за дверью.

Она осталась стоять с папкой в руках. Сердце колотилось так сильно, что казалось, этот звук должен был заполнить всю комнату.

Райан поднялся, обошёл стол и остановился напротив неё. Между ними оставалось слишком мало места для непринуждённой деловой беседы и слишком много для чего-то другого. От него пахло кедром, холодным металлом и едва уловимой горечью кофе.

— Вы только что поставили крест на своей карьере в этом городе, — сказал он ровным голосом. — Понимаете?

— Понимаю.

— И всё равно решили высказаться.

— Кто-то должен был.

Он долго молчал, разглядывая её. Елена не отводила глаз, хотя прекрасно понимала, насколько глупо её упрямство. Но сейчас оно было единственным, что не позволяло ей показать, как сильно дрожат колени.

— Возвращайтесь в студию, мисс Вэнс, — наконец произнёс Райан. — Я с вами свяжусь.

Он позвонил через сорок минут.

К этому времени Елена успела добраться до метро, спуститься по ступеням и остановиться перед турникетом. Ехать ей не хотелось. В студии ждали три сотрудницы, которым рано или поздно придётся объяснить, что происходит и почему будущее их работы зависит от чужих решений.

Телефон коротко звякнул.

«Верхний этаж. 14:00. Р. Кросс».

Ни вопроса, ни просьбы.

В кабинете на сорок восьмом этаже оказалось слишком много неба. Три стеклянные стены открывали вид на Нью-Йорк, расчерченный улицами и крышами, словно сложная электронная схема. Райан стоял спиной к двери и смотрел на город. На мгновение Елене почудилось, что перед ней не миллиардер, привыкший распоряжаться чужими судьбами,

а человек, который так давно остался один, что перестал замечать одиночество.

— Закройте дверь.

Она выполнила просьбу.

— Мне нужна ваша честность, — сказал он, не оборачиваясь. — Сегодня вы продемонстрировали её в избытке. Теперь я намерен воспользоваться этим качеством. Садитесь.

Елена осталась на месте.

— Слияние с Northwood Capital под угрозой. Совет директоров обеспокоен. А вы сегодня наглядно подтвердили то, что думают обо мне некоторые инвесторы: я холодный, жёсткий, циничный человек, которому нельзя доверять. — Он наконец повернулся. — Инвесторам нужен кто-то, кому они смогут поверить. Человек со стабильной жизнью. Семья. Дом. Кто-то, кто ждёт его вечером.

Внутри у Елены что-то медленно сжалось.

— Я не понимаю, к чему вы ведёте.

— Мне нужна жена, мисс Вэнс. На шесть месяцев.

Он смотрел прямо на неё. Лицо оставалось непроницаемым, но в глубине серых глаз проскальзывала усталость человека, который уже принял решение и теперь вынужден с ним жить.

— Фиктивный брак, — уточнила Елена. Голос прозвучал сухо.

— Контракт. Чёткие условия, установленный срок и вознаграждение. — Райан взял со стола тонкую папку и протя-

нул ей. — Я полностью погашу долги вашей студии. Задолженность перед банком и Харрисоном тоже. Да, я знаю о нём. Я всегда проверяю тех, с кем веду дела.

Папка коснулась её пальцев, и Елену обдало жаром.

Он успел изучить её жизнь, пока она шла к метро. Разобрался в её долгах, нашёл слабое место и теперь предлагал выход так, словно речь шла о покупке очередного актива.

— Вы следили за мной?

— Я проверил подрядчика. Это называется *due diligence*.

— А по-моему, это называется унижением.

Она положила папку на стол. Осторожно, чтобы не швырнуть её в него.

— Вы предлагаете мне продать себя, просто подобрав для сделки приличные слова. Моя мать строила эту студию двадцать лет. Она никогда бы...

— Ваша мать умерла, — спокойно перебил Райан. — А студия идёт за ней. Вы можете сохранить гордость или её наследие. И то и другое вам сейчас не по карману.

Елена почувствовала удар, хотя он даже не повысил голоса. Хуже всего было то, что Райан не преувеличивал. Он лишь произнёс вслух то, от чего она пряталась последние три года.

Она отвернулась к окну.

Внизу, между зданиями, медленно двигались жёлтые такси. На Бликер-стрит оставались мамины эскизы, запах льняного масла и старого дерева, три сотрудницы, которые по-

прежнему надеялись на неё. Наверняка они уже обсуждали сегодняшнюю презентацию, строили планы на следующие месяцы и верили, что всё наладится.

Елена не могла вернуться к ним с пустыми руками.

В памяти всплыл голос матери. Последние недели в больнице, когда даже обычный разговор давался ей с трудом, она всё равно находила силы напомнить дочери:

«Не позволяй им решать, чего ты стоишь, Лена. Торгуйся».

Торгуйся.

Елена повернулась к Райану. Подняла подбородок, расправила плечи. Дизайнер входит в комнату раньше своих идей.

— У меня будут условия.

В его глазах что-то изменилось. Возможно, любопытство. Возможно, одобрение. Елена не стала гадать.

— Слушаю.

— Первое. Студия остаётся моей. Целиком. Никаких долей, никакого контроля с вашей стороны, никаких назначенных вами консультантов. Вы погашаете долги, и на этом ваше участие в её делах заканчивается.

Она загнула первый палец.

— Второе. Я продолжаю работать. Не превращаюсь в жену председателя, которая улыбается на благотворительных ужинах и появляется на фотографиях рядом с мужем. Я остаюсь дизайнером. У меня свои проекты и своё расписание.

Второй палец.

— Третье. Моя личная жизнь за пределами публичных мероприятий вас не касается. Вы не задаёте вопросов, я не отчитываюсь.

Третий палец. Елена выдержала короткую паузу.

— И четвёртое. Никакого физического контакта сверх того, что требуется для убедительности. Рука на камеру, если понадобится, или какой-нибудь жест на публике. Но не более того. Никаких иллюзий насчёт того, что между нами происходит что-то настоящее.

Райан внимательно слушал. В уголке его рта снова обозначилась едва заметная улыбка.

— Вы торгуетесь так, будто это вы оказываете мне услугу.

— Так и есть. Вам нужна женщина, которая сумеет сыграть влюблённую жену настолько убедительно, чтобы обмануть совет директоров. Подходящих кандидаток не так много. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — И большинство из них вам солгали бы. Я хотя бы предупрежу, когда вы несёте чушь.

— Сегодня утром вы уже это сделали.

— Считайте, что я продемонстрировала свои возможности.

Райан рассмеялся.

Короткий, низкий смех прозвучал настолько неожиданно, что Елена на секунду растерялась. В нём не было привычной снисходительности, и от этого он казался почти интимным.

Дыхание на секунду перехватило, словно внутри натянулась невидимая струна, готовая порваться в самый неподходящий момент.

Елена тут же разозлилась на себя.

— Принято, — сказал Райан. — Все четыре пункта. Мой юрист внесёт их в договор в течение часа.

Он вернулся за стол. Деловое выражение лица восстановилось так быстро, будто смеха и вовсе не было. На смену короткому человеческому мгновению пришла привычная холодность. И всё же Елена успела заметить, как на одну секунду его взгляд задержался на ней без обычного расчёта, словно он видел не очередную строку в документе, а человека напротив.

— Есть ещё один пункт, — добавил Райан, просматривая бумаги. — Совместное проживание.

Елена замерла.

— Простите?

— Ни один журналист и ни один член совета не поверит в наш брак, если мы будем жить на разных концах города. Вы переедете в мой пентхаус. Спальни будут отдельными, разумеется. Но адрес у нас будет один. Одна дверь, один лифт. — Он поднял глаза. — Если мы собираемся убедить всех, что любим друг друга, придётся хотя бы научиться не показывать, как сильно мы друг друга раздражаем.

Елена смотрела на него, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Ей хотелось швырнуть папку ему в лицо. И

одновременно, вопреки здравому смыслу, она ощущала, что согласилась на нечто гораздо более опасное, чем обычная деловая сделка.

Будто ступила на тонкий лёд и только теперь услышала первый треск.

Другого выхода не было. Она знала это ещё до того, как переступила порог кабинета.

Райан протянул ей ручку. Тяжёлую, чёрную, прохладную на ощупь. Их пальцы соприкоснулись на мгновение, и по руке Елены пробежал короткий разряд. Нелепая, раздражающая реакция, которой она не собиралась придавать значения.

Она сделала вид, что ничего не заметила.

Райан — тоже.

Елена подписала договор. Росчерк вышел неровным, словно рука на секунду перестала ей подчиняться.

«Елена Вэнс».

Скоро у неё будет другая фамилия.

Она предпочла не задерживаться на этой мысли.

— Добро пожаловать в семью, миссис Кросс, — тихо произнёс Райан.

В его голосе не было насмешки. Только усталость и какая-то непривычная осторожность, словно он сам не до конца понимал, во что ввязался.

Елена уже открыла рот, чтобы ответить колкостью, когда в кармане завибрировал телефон.

Она достала его машинально. На экране высветился незнакомый номер. Короткое сообщение, без имени отправителя.

«Мисс Вэнс, напоминаем о вашей задолженности. Банк передал дело в отдел взыскания. У вас осталось 72 часа».

По спине медленно разлился холод.

Елена перечитала сообщение, потом подняла глаза. Райан смотрел на неё поверх папки. Выражение его лица не изменилось.

И вдруг она поняла, что кредитор написал ей всего через несколько минут после того, как она подписала договор.

Слишком точно.

Слишком вовремя.

Словно кто-то заранее знал, в какой момент она согласится.

Глава 2. Правила чужой игры

Юридическая фирма «Бреннер, Уоллес и партнёры» занимала три этажа здания на Мэдисон-авеню. Пространство здесь было организовано так, чтобы каждый посетитель с первых минут ощущал себя не на своём месте. Высокие потолки, ковры, поглощавшие звуки шагов, безупречно чистые поверхности. Казалось, даже воздух здесь проходил строгий отбор.

Елена села за длинный стол из чёрного ореха и положила перед собой блокнот. Обычный, в клетку, с загнутым и потрепанным уголком. Напротив трое юристов в одинаковых серых костюмах обменялись взглядами, словно обнаружили в тщательно подготовленном документе неожиданную проблему.

Райан занимал место во главе стола. На Елену он не смотрел. Вчера изучал её с пристальным вниманием, будто пытался разобраться в сложном чертеже, а сегодня словно нарочно разглядывал потолок.

— Мисс Вэнс, — начал старший из юристов, Бреннер. Его голос звучал мягко и бесцветно. — Мы внесли все четыре предложенных вами изменения. Остальные положения стандартны.

— Стандартны для чего?

— Для подобных соглашений.

— И много вы заключаете подобных соглашений?

Повисла пауза. Райан наконец перевёл взгляд на Елену. Она почувствовала его внимание, но не повернула головы.

— Достаточно, — осторожно ответил Бреннер.

— Значит, вы знаете, где обычно прячутся ловушки. Покажите мне.

Елена читала не спеша, страницу за страницей. Постепенно её охватывало знакомое спокойствие, которое прежде помогало вести сложные переговоры с поставщиками. Мать научила её главному: «Никогда не подписывай то, что не прочитала до последней запятой. Запятая стоит дороже слона».

— Пункт седьмой, — произнесла Елена. — Выплата долгов студии производится «в течение тридцати дней после регистрации брака». У меня нет тридцати дней. Есть семьдесят два часа, и вы прекрасно об этом знаете.

Бреннер кашлянул.

— Это стандартная формулировка...

— Тогда измените её. Деньги переводятся на отдельный счёт, открытый на моё имя, в день регистрации брака. Не на счёт студии и не на счёт кредитора. На мой. Распоряжаться средствами буду я.

— Но мистер Кросс предпочитает контролировать расходы...

— Мистер Кросс купил жену, а не бухгалтера. — Елена наконец повернулась к Райану. — Или вы опасаетесь, что я потрачу ваши деньги не по назначению?

Он долго смотрел на неё. В серых глазах мелькнуло что-то неуловимое, но лицо оставалось непроницаемым.

— Исполнить, — распорядился он.

Елена перевернула страницу.

— Пункт одиннадцатый. «Супруга обязуется воздерживаться от публичных заявлений, способных нанести ущерб репутации компании». Формулировка слишком расплывчатая. Мой проект для Cross Global остаётся моей авторской работой, а профессиональные решения не приравниваются к «публичным заявлениям». Это нужно прописать отдельно.

— Принято, — отозвался Райан, не дожидаясь ответа юристов.

— И пункт четырнадцатый. Прекращение действия контракта.

Она подняла глаза от документа.

— Здесь сказано, что «стороны расходятся по взаимному согласию». А если согласия не будет? Если через шесть месяцев вы решите, что рынок нестабилен и контракт стоит продлить?

Тишина затянулась. Один из младших юристов замер с ручкой над бумагой.

— Через шесть месяцев я свободна, — отчётливо произнесла Елена. — Без права одностороннего продления, без ссылок на обстоятельства непреодолимой силы, без дополнительных соглашений. День двести шестой — и я уйду. Запишите.

Райан откинулся на спинку кресла и сложил кончики пальцев домиком. Елена заметила едва уловимую улыбку в его глазах. Так смотрят на соперника, которого прежде недооценивали, а теперь вынуждены признать равным.

— Запишите, — повторил он.

Когда юристы вышли переделывать документ, Елена и Райан остались одни. Она закрыла блокнот, стараясь не выдать дрожь в пальцах. Напряжение последних минут отпускало её, оставляя после себя усталость и странную пустоту.

— Где вы этому научились? — спросил Райан.

— У матери. Она торговалась с лучшими поставщиками Милана и ни разу не проиграла. — Елена поднялась. — А вы, мистер Кросс, рассчитывали, что я растеряюсь?

— Я полагал, что вы обрадуетесь возможности получить деньги и подпишете всё, что вам предложат. — Он тоже встал. Расстояние между ними сократилось, и теперь ей приходилось смотреть на него чуть снизу вверх. — Большинство так и поступает.

— Большинство вы не вынуждали отвечать перед советом директоров.

— Нет. — Райан ненадолго замолчал. — Не вынуждал.

В этом коротком ответе прозвучало что-то непривычное. Елена не могла понять, было ли это удивлением или признанием, которое он сам не собирался делать.

Пентхаус Райана занимал верхний этаж башни на Парк-авеню. Переступив порог, Елена поняла, почему он называл

это место квартирой. Слово «дом» здесь звучало бы неуместно.

Белые стены, серый камень, диваны, на которых, судя по всему, никто не сидел. На журнальных столиках лежали книги, разложенные в аккуратные стопки и подобранные по цвету корешков. За панорамными окнами простирался Центральный парк — густой, зелёный, полный жизни. На фоне безупречного интерьера он казался частью пейзажа, который выбрали исключительно ради подходящего вида из окна.

Ни одной фотографии. Ни одной безделушки, ни царапины на мебели, ни забытой чашки. Всё выглядело так, будто здесь никто никогда не жил, а лишь поддерживал порядок в ожидании чьего-то визита.

— Ваша комната, — сказал Райан, открывая дверь в конце коридора. — Напротив моей. Ванная отдельная. Экономка приходит в девять и уходит в пять. Вечером мы остаёмся одни.

— Как уютно.

Он не отреагировал.

— Теперь правила. — Райан остановился у окна, сунув руки в карманы. На фоне закатного неба его фигура казалась особенно строгой. — Первое: у нас отдельные спальни. Границы не пересекаются. Второе: никаких вопросов о прошлом. Ни моём, ни вашем. Всё, что необходимо знать для публики, вам сообщат. Остальное вас не касается. Третье: никаких чувств.

Елена прислонилась плечом к дверному косяку.

— Вы сейчас серьёзно? Насчёт чувств?

— Это контракт. Люди совершают ошибки, когда путают игру с реальностью.

— И часто вы такое наблюдали?

Райан не ответил. Только на мгновение сжал челюсти. Движение было почти незаметным, но Елена успела его уловить.

Ночью она долго не могла уснуть. Лежала в огромной белой кровати, глядя в потолок и прислушиваясь к тишине. В квартире не было ни запахов, ни случайных звуков, ни мелочей, которые обычно выдавали присутствие человека. От этой стерильности становилось не по себе.

Утром, когда Райан уехал в офис, Елена отправилась в город. Вернулась с двумя большими охапками белых пионов и жёлтых нарциссов. В пакете звякали простые стеклянные вазы.

Она расставила цветы в гостиной, на кухонном острове и возле окна. Закончив, обратила внимание на огромное кожаное кресло, стоявшее спинкой к парку. Подумав секунду, упёрлась в подлокотник и развернула его к окну.

Вечером Райан вошёл в гостиную и остановился так резко, словно перед ним неожиданно закрыли дверь.

— Что это?

— Цветы.

— Я вижу, что это цветы.

— Тогда вопрос лишний. — Елена сидела на подлокотнике дивана с чашкой чая в руках. Босая, с ещё влажными после душа волосами, она выглядела куда естественнее, чем всё вокруг. — А кресло я повернула к окну. Смотреть на его кожаную спинку вместо Центрального парка — преступление против архитектуры.

— Я просил ничего не менять...

— Вы просили не задавать вопросов о прошлом. О креслах речи не было.

Райан перевёл взгляд на жёлтые нарциссы, стоявшие на столе. Раздражение на его лице смешивалось с растерянностью. Казалось, он не знал, как реагировать на чужое присутствие, которое не ограничивалось отведённой ему комнатой.

— Они завянут, — заметил он наконец.

— Тогда куплю новые.

Он промолчал.

Позже, направляясь в спальню, Елена увидела его у окна. Райан сидел в том самом кресле, повернув его к парку, и держал в руке бокал. Цветы остались на своих местах.

Ювелирный салон на Пятой авеню пах шампанским и дорогими духами. Здесь собирались люди, которым, казалось, давно нечего было желать, кроме очередной вещи, подтверждающей их положение.

Продавец в безупречных белых перчатках выложил на чёрный бархат дюжину колец. Бриллианты сверкали под направленным светом витрин, и каждое украшение словно

претендовало на особое внимание.

— Это подойдёт, — сказал Райан, указав на самое массивное кольцо с бриллиантом размером с ноготь.

Елена рассмотрела его. Безупречная платина, идеальная огранка, холодный блеск.

— Красивое, — признала она.

— Четыре миллиона долларов.

— И именно поэтому оно красивое?

Райан повернулся к ней. Продавец, уловив перемену в разговоре, деликатно отошёл в сторону.

— Это символ, мисс Вэнс. Пресса должна видеть, что моя жена ни в чём не нуждается.

— Пресса должна видеть, что вы можете купить любую вещь. — Елена вздохнула. — Это кольцо не имеет ко мне никакого отношения. Оно говорит только о вашей власти: «Посмотрите, что я могу себе позволить». Но я не вещь, которую можно купить.

— Вы будете носить то, что я выбрал.

— Нет.

Райан шагнул к ней. Теперь между ними оставалось совсем мало места. Елена ощутила тепло его тела, уловила запах кедра с горькой, едва заметной нотой. Он говорил тихо, почти шёпотом, и от этой сдержанности её пробрал озноб, которому она предпочла бы найти другое объяснение.

— Вы всегда сопротивляетесь, когда вам указывают?

— Нет. Только когда указывают неправильно.

Елена наклонилась к витрине. Среди крупных камней и вычурных оправ её внимание привлекло одно кольцо: тонкое золотое ободок, небольшой сапфир цвета осеннего неба, простая оправа. По краю шла едва заметная гравировка. Украшение выглядело старинным, слегка потёртым, словно у него уже была своя история.

— Вот это.

Райан посмотрел сначала на кольцо, затем на неё.

— Оно стоит в сорок раз дешевле.

— Значит, ему нечего доказывать.

На мгновение Елена решила, что он сейчас вспылит. Но Райан неожиданно рассмеялся — тихо, почти беззвучно — и покачал головой.

— Вы невозможны.

— Я знаю.

— Берите, — распорядился он, обращаясь к продавцу. Затем снова посмотрел на Елену. — Этот раунд за вами.

— Это был не раунд, мистер Кросс.

— А что же?

— Урок.

Репетицию назначили на пятницу в конференц-зале на Мэдисон-авеню. Команда по связям с общественностью — три жёсткие женщины и один нервный мужчина — раздала им папки с красной полосой на обложке. Заголовок гласил: «Вымышленная биография: Райан Кросс и Елена Вэнс».

Елена открыла первую страницу и приподняла бровь.

— «Познакомились на благотворительном аукционе в Челси, когда оба потянулись к одной и той же картине».

— Романтично, — одобрительно кивнула руководитель команды Марша.

— Банально.

— Публика любит банальности. — Марша перевернула страницу. — Дальше: любимое блюдо Райана, любимый цвет, детское воспоминание, которым вы поделились на третьем свидании.

— У меня вопрос, — сказала Елена и повернулась к Райану. — Какой мой любимый цвет?

Он помедлил.

— Синий.

— Зелёный. — Она выдержала его взгляд. — А моё любимое блюдо?

— Паста.

— Суп из пастернака, который мама готовила, когда я болела. — Голос неожиданно дрогнул. Елена сама удивилась, насколько неприятно ей было произносить эти слова в присутствии человека, не знавшего о ней ничего. — Видите, мистер Кросс? Вы обо мне ничего не знаете.

— А вы обо мне? — негромко спросил он.

— Какой ваш любимый цвет?

Райан молчал.

— Что вы любили в детстве? Что ели на день рождения? Кто учил вас кататься на велосипеде?

— Достаточно.

— Это самые простые вопросы, мистер Кросс. Журналисты наверняка их зададут.

— Я сказал, достаточно. — Он поднялся так резко, что стул с неприятным скрежетом отъехал назад. Марша замерла, а её коллега выронил ручку. — Мои личные привычки не входят в контракт.

— Тогда как мы убедим мир, что любим друг друга?

— Вам не обязательно знать меня, чтобы улыбаться на камеру.

— Вы ошибаетесь. — Елена тоже встала. От злости дрожал голос, но под ней скрывалось ещё что-то — горячее, неуместное, от чего становилось только хуже. — Даже выдуманная любовь держится на деталях. Вы хотите, чтобы вам поверили, но сами не желаете показывать, кто вы на самом деле.

Они стояли друг напротив друга через стол. Райан дышал чаще обычного. Елена тоже не могла успокоиться.

— Репетиция окончена, — отрезал он и вышел, хлопнув дверью.

Марша медленно выдохнула.

— Это... хороший знак, — неуверенно произнесла она. — Между вами есть химия.

Елена промолчала. Она смотрела на закрытую дверь и думала о том, как сильно ненавидит Райана Кросса.

И о том, что руки у неё до сих пор дрожат.

В ту ночь Елена проснулась от жажды. Часы показывали начало третьего. Босиком, в длинной футболке, она прошла по тёмному коридору в сторону кухни и заметила тонкую полосу света под дверью кабинета Райана.

Дверь оставалась приоткрытой.

Райан сидел за столом без пиджака, в расстёгнутой белой рубашке. Волосы растрепались, на лице проступила усталость. Таким Елена его ещё не видела: безупречная собранность исчезла, и на её месте оказалось что-то почти мальчишеское, незащищённое.

В руках он держал старую фотографию с потёртыми краями. Елена успела разглядеть женское лицо, светлые волосы и смеющиеся глаза.

Пол скрипнул под её ногой.

Райан резко поднял голову. Фотография исчезла в ящике стола, который тут же щёлкнул замком.

— Что вы здесь делаете? — спросил он ледяным тоном.

— Я хотела воды. Дверь была открыта...

— Это не даёт вам права входить.

— Я и не входила.

— Вы стояли и смотрели. — Райан поднялся. В полумраке его глаза казались почти чёрными. — Второй пункт, мисс Вэнс. Никаких вопросов о прошлом. Не выходите за рамки контракта.

— Кто она?

— Что?

— Эта женщина. Я не спрашиваю о вашем прошлом. Я спрашиваю, почему у вас такое лицо.

— Какое?

— Как у человека, которого застали на похоронах.

Наступила тишина.

На лице Райана что-то дрогнуло, но он быстро овладел собой. Елена видела, как он снова закрывается от неё, отсекая всё, что могло выдать его чувства. Когда он заговорил, голос звучал ровно и холодно.

— Спокойной ночи, мисс Вэнс.

Она ушла, не сказав больше ни слова.

В своей комнате Елена ещё долго стояла в темноте, прижав ладонь к груди. Пульс никак не удавалось выровнять.. Женщина на фотографии улыбалась, словно была счастлива. А Райан смотрел на неё так, будто потерял навсегда.

Накануне свадьбы Елена стояла в примерочной, пока портниха в последний раз подправляла подол платья. Шёлк цвета слоновой кости, простой крой, ни одной лишней детали. Именно такое платье она и хотела.

Телефон завибрировал в сумке.

Неизвестный номер. Одно сообщение с вложением.

Елена открыла фотографию.

На снимке Райан выглядел на несколько лет моложе. Тёмный костюм, непривычно мягкое выражение лица. Рядом стояла та самая светловолосая женщина. Он держал её за руку, а в другой сжимал маленькую бархатную коробочку.

Под фотографией было всего три предложения:

«Ты не первая женщина, которой он предлагает брак. Узнай, что случилось с предыдущей, пока ещё не поздно».

Портниха что-то говорила о длине фаты, но Елена перестала её слышать.

Она всматривалась в лицо незнакомки, в её улыбку, застывшую на экране, и пыталась понять, что именно ей хотели сообщить. Предупреждение? Угрозу? Или приглашение самой разобраться в чужой тайне?

Одно стало ясно сразу: что бы ни скрывал Райан Кросс, дело было не только в фиктивном браке.

А завтра ей предстояло назвать его своим мужем.

Глава 3. Свадьба без любви

Утром в день свадьбы Елена трижды открывала анонимное сообщение и трижды закрывала, словно оно могло исчезнуть само собой, если не вглядываться в него слишком долго.

На фотографии светловолосая женщина улыбалась в камеру. Райан рядом с ней выглядел моложе, мягче. Другой подбородок, другой взгляд, плечи, ещё не привыкшие держаться так, будто на них лежит чужой груз. В руке он сжимал бархатную коробочку с такой осторожностью, с какой не держат вещь, купленную ради хорошей репутации.

Узнай, что случилось с предыдущей.

Елена положила телефон экраном вниз на туалетный столик и посмотрела в зеркало. Бледная кожа, тени под глазами, волосы, которые визажистка уже превращала в безупречную причёску. Из зеркала на неё смотрела женщина, готовая бежать.

Она знала, как выглядит страх. Помнила лица матери и врачей, когда те обсуждали результаты анализов в коридоре, уверенные, что она ничего не слышит. Страх всегда начинался с попытки убедить себя, что ничего не происходит. А потом заставлял соглашаться на всё, лишь бы поскорее покончить с мучительным ожиданием.

Елена не собиралась соглашаться на всё.

Если за этой историей скрывалась правда, она её найдёт. Позже. После свадьбы. Сейчас у неё оставалось слишком мало времени. Сначала семьдесят два часа, потом сорок восемь, затем двадцать четыре — и вот срок истёк. Деньги должны были поступить сегодня. Студия, мамины эскизы, три женщины, которым она так и не решилась признаться, насколько близко подошла к краю.

Гордость и память. Две вещи, за которые она держалась. Ни одна не позволяла ей отступить.

— Вы готовы, мисс Вэнс? — спросила визажистка.

— Готова, — ответила Елена.

И почти сама себе поверила.

Особняк на Восточной Семьдесят четвёртой улице когда-то принадлежал железнодорожному магнату и сохранил его пристрастие к роскоши: мраморная лестница, витражи, паркет, по которому ступали ещё в девятнадцатом веке. Гостей было всего сорок. Однако за чугунной оградой уже толпились фотографы с длиннофокусными объективами. Елена поймала себя на мысли, что даже тишина этого дома стоит дороже её студии.

Она шла по залу под руку с Томасом, давним другом матери, согласившимся заменить ей отца. Музыка не было. Только стук каблучков да негромкий шелест голосов, в которых сквозило любопытство.

Райан ждал у камина в чёрном костюме. Неподвижный, собранный, с привычно непроницаемым лицом. Когда Елена

вошла, он повернул голову, и на мгновение его выражение изменилось. Будто он на секунду потерял равновесие. Затем спокойствие вернулось, но она успела заметить: её появление оказалось для него неожиданностью.

Простое шёлковое платье цвета слоновой кости Елена выбрала именно за то, что оно ничего не обещало. Однако под его взглядом ткань вдруг показалась слишком лёгкой, почти прозрачной в своей простоте.

Регистратор говорил о союзе, доверии и ответственности. Слова проходили мимо, не задерживаясь в памяти. Елена смотрела на узел галстука Райана и считала удары собственного сердца.

— Райан Кросс, повторяйте за мной.

Он начал произносить положенные слова ровным голосом, словно зачитывал квартальный отчёт:

— Я беру тебя в жёны, обещаю быть рядом и поддерживать тебя...

Сценарий, составленный командой Марши, был сухим и гладким, как отполированная галька.

И тут Елена заметила, что у неё дрожат пальцы. Мелко, почти незаметно, но предательски: кольцо на подушечке покачивалось в такт этой дрожи. Она стиснула руки, однако было поздно.

Райан оборвал фразу.

Его взгляд опустился к её ладоням. Что-то изменилось в его лице. Когда он заговорил снова, голос звучал уже иначе

— без привычной отстранённости.

— Я обещаю, — произнёс он тише, и гости невольно подались вперёд, — уважать твою свободу. Никогда не использовать твою уязвимость против тебя. И не требовать, чтобы ты становилась кем-то другим.

В зале воцарилась тишина.

Этих слов не было в тексте. Елена знала каждую строчку: она перечитала клятвы раз десять. Подняв глаза, увидела, что Райан смотрит на неё не как на партнёра по сделке и не как на приобретённый актив. Казалось, он сам не понимал, откуда взялись эти обещания, и опасался, что однажды ему придётся ответить за каждое.

У Елены перехватило горло. Настала её очередь произносить клятву. Она помнила что-то о верности, о партнёрстве, о совместном будущем. Слова выходили хрипло, звучали чужими, но она всё же договорила.

— Объявляю вас мужем и женой, — сказал регистратор.
— Можете поцеловать невесту.

Сорок человек замерли. Щёлкнула камера, следом ещё одна.

Райан шагнул к ней и коснулся ладонью её щеки. Елена вздрогнула: рука оказалась тёплой, гораздо теплее, чем она ожидала. Он наклонился, и всё остальное отступило на второй план — его дыхание, запах кедра, тонкая полоска света на скуле.

Поцелуй вышел коротким. Но в нём оказалось то, чего

не предусматривал ни один сценарий: осторожность, почти нежность, лёгкое прикосновение, на которое её губы ответили прежде, чем она успела одуматься. Внутри что-то вспыхнуло — резко, неожиданно, словно в темноте зажгли спичку.

Райан отстранился слишком быстро, будто коснулся раскалённой поверхности.

Его взгляд метнулся к ней — потемневший, растерянный. Через мгновение растерянность исчезла. Он выпрямился, сжал её пальцы, улыбнулся для камер. Улыбка получилась безупречной.

Но Елена чувствовала, как холодеет его рука.

Приём устроили в зимнем саду особняка, под стеклянным куполом. Между апельсиновыми деревьями расставили столы, покрытые белыми скатертями. Сюда съехалась половина деловой Америки: мужчины, говорившие вполголоса, и женщины, чьи бриллианты словно тоже предпочитали не привлекать лишнего внимания.

Елена держала бокал, почти не притрагиваясь к напитку, и улыбалась каждому, кто подходил поздравить. К концу первого часа у неё заболели скулы.

— Миссис Кросс.

К ней приблизился седовласый мужчина с глазами цвета мутной воды. Ларссон. Тот самый инвестор, ради которого она когда-то отказалась переделывать проект.

— Какая удивительная история, — продолжил он. — Всего три месяца назад вы были подрядчиком Райана.

— Любовь не интересуется должностями, мистер Ларссон.

— Разумеется. И всё же, признаться, мы удивлены.

Он повернулся к Райану, подошедшему с другой стороны. В голосе Ларссона появилась та особая вежливость, за которой обычно скрывалось желание задеть побольнее.

— Мы знаем тебя столько лет, Райан. Ты женился на сделке. За завтраком обсуждал слияния, за ужином — поглощения. Мне трудно представить, что среди всего этого нашлось место для чувств.

Разговоры близости постепенно стихли. Двое мужчин за соседним столиком замолчали на полуслове.

Елена заметила, как Райан едва заметно улыбнулся. Привычная, холодная реакция человека, которому подобные замечания давно знакомы и, по всей видимости, уже не причиняют вреда.

Но его рука выдавала его. Пальцы так сильно сжали ножку бокала, что костяшки побелели.

— Вы правы, мистер Ларссон, — сказала Елена. Её собственный голос прозвучал неожиданно спокойно. — Райан не умеет говорить о чувствах. Он не станет рассказывать вам, как три недели назад отменил совещание, потому что я простудилась. Не упомянет и о том, что знает, какой кофе я предпочитаю, хотя я ни разу ему об этом не говорила.

Она шагнула к мужу и положила ладонь ему на грудь, прямо над сердцем. Жест не был частью их договорённости, но

вышел на удивление естественным.

— Он не из тех, кто выставляет чувства напоказ. Он предпочитает поступки. Вы принимаете это за холодность, потому что привыкли к людям, которые громко говорят о своей любви. Райан другой. Чтобы понять его, нужно смотреть внимательнее.

Елена чуть улыбнулась.

— Я смотрела.

Ларссон моргнул. Одна из женщин за соседним столиком одобрительно кивнула.

А под её ладонью сердце Райана билось быстро и сильно. Совсем не так, как у человека, которому всё равно.

Когда инвестор отошёл, Райан наклонился к её уху.

— Откуда вы взяли историю про кофе?

— Придумала.

— Но... — Он запнулся, словно собирался сказать что-то ещё, но передумал. — Я действительно пью его без сахара, с каплей молока.

Елена повернула голову. Их лица оказались слишком близко.

— Значит, я неплохая лгунья, — прошептала она.

Райан задержал на ней взгляд чуть дольше, чем позволяли приличия. И на одну короткую секунду Елена увидела, как меняется его выражение: он поверил ей. Не в сделку, не в игру. В её слова.

Им удалось сбежать около полуночи. Сослались на уста-

лость, сели в машину, но вместо пентхауса Райан назвал адрес ресторана на крыше одного из небоскрёбов Мидтауна, закрытого для публики. Охранник молча кивнул. Лифт поднял их наверх, и вскоре они оказались на стеклянной террасе, над которой раскинулось небо, отражавшее россыпь городских огней.

Елена сбросила туфли и уселась прямо на тёплый камень.

— Только не говорите, что это неприлично.

— Даже не собирался.

Райан снял пиджак, ослабил галстук и сел рядом, оставив между ними расстояние вытянутой руки.

— Думаю, это первое честное, что мы сделали за весь день.

Они долго молчали. Внизу гудел город — огромный, занятый собственными делами и совершенно равнодушный к тому, что происходило на крыше.

— Моя мама, — тихо начала Елена, — могла за пять минут изменить любую комнату. Переставить пару вещей, зажечь другой свет, подобрать ткань — и людям уже не хотелось уходить. Она говорила, что дизайн — это способ сказать человеку: «Тебе здесь рады».

Елена улыбнулась, продолжая смотреть на город.

— Студия для меня не просто бизнес. Там до сих пор пахнет её маслом для дерева. Если я потеряю это место, мне больше нигде будет почувствовать, что она рядом.

Райан не перебивал. Он слушал так внимательно, что Еле-

на сама удивилась, насколько легко ей оказалось продолжать.

— Когда мама заболела, я пообещала, что сохраню всё, что мы создали. Тогда мне казалось, что достаточно сильно чего-то хотеть и не отступать. Я не представляла, сколько может стоить одно обещание.

— Вы сдерживаете его.

— Ценой фиктивного брака.

— Ценой нескольких месяцев рядом с человеком, которого вы терпеть не можете, — поправил он. В голосе прозвучала горькая ирония.

— Я не говорила, что не могу вас терпеть.

Райан повернул голову. Елена тоже посмотрела на него. Между ними возникло что-то хрупкое, к чему оба пока не решались прикоснуться.

— Когда-то я доверял людям, — произнёс он наконец. Каждое слово давалось ему с усилием, словно он осторожно проверял почву перед следующим шагом. — Слишком сильно. Был человек, который видел во мне не меня самого, а то, что я мог дать. Деньги, имя, возможность открыть нужную дверь. Когда я это понял, решил, что лучше быть холодным, чем позволить кому-то снова себя обмануть. Холодным человеком трудно воспользоваться.

— Это она? — тихо спросила Елена. — Женщина с фотографии?

Лицо Райана потемнело. Он словно закрыл дверь, которую только что приоткрыл.

— Не сегодня.

— Но когда-нибудь вы расскажете?

Он помедлил.

— Возможно. Не знаю.

Елена не стала настаивать. Откинувшись на ладони и подняла голову к небу. Звёзд почти не было — огни города заглушали их свет.

Но рядом сидел человек, который впервые за много дней перестал прятаться за привычной холодностью. Пока этого было достаточно.

В пентхаусе горел только ночник в холле. На столике лежала записка от экономки. Райан пробежал её глазами и нахмурился.

— Миссис Дэвис предупреждает, что завтра придёт раньше обычного. Хочет приготовить завтрак для молодожёнов.

— И что?

— Она увидит, как мы живём. Если наши спальни окажутся раздельными, к обеду об этом узнает вся прислуга здания. К вечеру новость дойдёт до прессы.

Он потёр переносицу.

— Придётся спать в одной постели. Хотя бы сегодня. И в другие ночи, когда в доме будет персонал.

Елена открыла рот, но не сразу нашлась с ответом. Потом выпрямилась.

— Хорошо.

Райан посмотрел на неё с нескрываемым удивлением.

— Хорошо?

— Это контракт. Вы сами мне об этом напомнили.

В его спальне было темно и просторно. Воздух пах кедром, прохладным камнем и чем-то неуловимо личным, что Елена невольно связывала с его присутствием. Посреди комнаты стояла огромная кровать с тёмным бельём.

Она остановилась и только теперь поняла, о чём не подумала заранее.

— Платье. Молния сзади. И двенадцать крошечных пуговиц. Сама я их не расстегну.

Райан помолчал, затем негромко произнёс:

— Повернитесь.

Елена послушалась. Стоя к нему спиной, она смотрела в тёмное окно, где отражались два силуэта: её собственный, светлый и хрупкий, и его — высокий, неподвижный.

Пальцы Райана коснулись первой пуговицы. Осторожно, почти невесомо. Затем второй.

Шёлк постепенно расходился под его руками, открывая кожу, которой коснулся прохладный воздух. Елена слышала его дыхание. Оно оставалось ровным, но это спокойствие, судя по всему, требовало от него немалых усилий.

На седьмой пуговице Райан остановился.

Его ладонь легла ей между лопаток. Большая, тёплая, неподвижная.

Елена замерла. Даже вдохнуть казалось опасным. Под его рукой разливалось тепло, медленно охватывая спину и рас-

ходясь дальше, до самых кончиков пальцев.

— Елена, — произнёс Райан.

Её имя в его голосе прозвучало иначе, чем прежде. Глуше. Сдержаннее, но оттого ещё тревожнее.

Она не ответила. Просто не смогла.

Прошла секунда. Потом ещё одна.

Наконец Райан убрал руку и отступил. Когда он заговорил, в голос вернулась знакомая стальная ровность.

— С остальными пуговицами вы справитесь сами. Я переночую на диване в кабинете. Утром скажем миссис Дэвис, что вы предпочитаете спать одна, когда нервничаете.

— Райан...

— Контракт, Елена. Пункт четвёртый. Не забывайте об этом.

Дверь закрылась.

Она осталась посреди чужой спальни, с расстёгнутым платьем и горячей спиной. И впервые за весь день позволила себе подумать о том, что Райан напомнил ей о контракте во-все не случайно.

Возможно, в ту минуту он напоминал о нём прежде всего самому себе.

Елена проснулась поздно. Солнце широкой полосой лежало на белой простыне, и несколько мгновений она не могла вспомнить, где находится и как оказалась в этой жизни.

Телефон мигал уведомлением. Ещё не до конца проснувшись, она взяла его и открыла банковское приложение.

На новом счёте, оформленном на её имя, значилась сумма с таким количеством нулей, какого она прежде не видела. Долги студии погашены, поставщики получили деньги, Харрисон забрал своё и, вероятно, уже искал следующего человека, которого можно загнать в угол.

Студия спасена.

Елена прижала телефон к груди и закрыла глаза. Слезы, которые она сдерживала неделями, наконец прорвались. Она плакала тихо, почти беззвучно, чувствуя, как вместе с напряжением последних месяцев уходит страх, не дававший ей спокойно спать.

Впервые за долгое время она могла позволить себе поверить, что всё ещё поправимо.

Через минуту телефон завибрировал снова.

Письмо от Бреннера, юриста Райана. Тема: «Срочно. Приложение к соглашению».

Елена открыла вложение. Прочитала первую страницу, затем вторую. После вернулась к началу: смысл прочитанного не укладывался в голове.

«Скрытое соглашение между инвесторами и Cross Global. В случае расторжения брака ранее шести месяцев или признания его фиктивным в рамках любой проверки все средства, перечисленные супруге, подлежат немедленному отзыву. Обязательства перед кредиторами возобновляются с момента отзыва».

Внизу стояли подписи. Среди них — подпись Райана.

Елена медленно опустила телефон.

Утреннее солнце всё так же заливало простыню, тёплое и спокойное, но комната вдруг показалась тесной. Будто стены незаметно сдвинулись, оставив ей меньше места для дыхания.

Если брак распадётся раньше срока, студия рухнет. Если кто-нибудь докажет, что он фиктивный, она потеряет всё. Каждый взгляд, каждый поцелуй, каждая ложь теперь должны были выдержать проверку. Шесть месяцев под наблюдением сотен глаз.

Елена смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться.

Она не купила себе свободу.

Она только что подписала приговор собственной независимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.